

УДК 821.161.1

Январская книжка журнала «Трудолюбивая Пчела»: катарсис истинного Просвещения

Сложеникина Юлия Владимировна

Доктор филологических наук, доцент, профессор,
Самарский государственный технический университет,
443100, Российская Федерация, Самара, ул. Молодогвардейская, 244;
e-mail: goldword@mail.ru

Растягаев Андрей Викторович

Доктор филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой филологии и массовых коммуникаций,
Самарский филиал Московского городского педагогического университета,
443081, Российская Федерация, Самара, ул. Стара Загора, 76;
e-mail: avr67@yandex.ru

Аннотация

Исследование представляет собой рассмотрение пяти статей январского номера «Трудолюбивой Пчелы» (1759): «О пользе Мифологии» Г. Козицкого, «О двух главных добродетелях историка» Н. Мотониса, «О первоначалии и созидании Москвы», «О истреблении чужих слов из русского языка», «О стихотворстве камчадалов» А. Сумарокова как метатекстового и коммуникативного единства.

Ключевые слова

Журнал «Трудолюбивая Пчела», Сумароков, Козицкий, Мотонис, масонство, метатекст, коммуникативная стратегия, автор и читатель, мифология, риторика, катарсис, русский язык.

Введение

В истории литературы устоялась мысль о безусловном приоритете Сумарокова как в определении общественно-политического направления Трудолюбивой Пчелы [Березина, 1960, 7], так и в наполнении журнала «большой частью произведениями своего издателя» [Ляцкий, 1996, 5914]. Однако, по данным китайской исследовательницы Юй Хуэйцзюнь, «по объёму статьи Сумарокова за всю историю журнала занимали 47% от общего количества статей. Из двенадцати номеров только в четырёх материалы Сумарокова занимали более 50%, а в других восьми большая часть статей принадлежит другим авторам» [Хуэйцзюнь, 2012, 103]. Среди них – А. Аблесимов, И. Борисов, Ф. Геннингс, С. Глебов, И. Дмитриевский, Г. Козицкий, К. Кондратович, В. Крамаренков, А. Лобысевич, Н. Мотонис, А. Нартов, Алексей, Василий и Семен Нарышкины, А. Ржевский, Е. Сумарокова и В. Третьяковский. Безусловно, каждый из авторов внес свою лепту в «созидание» уникального не только для XVIII столетия издания, но всё же в его «первоначалии» приняли участие трое: Александр Петрович Сумароков, Григорий Васильевич Ко-

зицкий и Николай Николаевич Мотонис – авторы первой (январской) книжки журнала.

Название и коммуникативная стратегия

Помимо титульного листа, на котором значились название журнала «Трудолюбивая ПЧЕЛА», эмблема и выходные данные: «Генварь 1759 года», «В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ», и посвящения «ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ Государыне Великой Княгине ЕКАТЕРИНЕ АЛЕКСЕЕВНЕ», подписанном «Александр Сумароков», январская книжка ТП состоит из пяти статей. Это «О пользе Мифологии» Г. Козицкого, «О двух главных добродетелях историка» Н. Мотониса и три статьи А. Сумарокова: «О первоначалии и созидании Москвы», «О истреблении чужих слов из Русского языка» и «О стихотворстве Камчадалов», о чем на последней странице номера без атрибуции свидетельствует оглавление с указанием страницы начала каждой статьи.

Название ТП мотивировано широкой просветительской программой А. П. Сумарокова, чьи религиозно-философские воззрения вполне сложились к 1759 г. и требо-

вали артикулированного оформления в форме коллективного периодического издания. Журнал опирался на целенаправленную дидактическую программу: читатель приобщался к элитарной культуре, а затем и к тайне иероглифического знания масонства. Название ТП – особое гиперкодированное выражение, генезис которого напрямую связан с масонской символикой. Первые российские масоны верили, что нужно перестраивать общественные отношения, восстанавливая улей – правильную иерархию моральных ценностей. Для этого необходимо истинное Просвещение, которое воздвигнет совершенное здание государственного устройства, основанное на естественной религии, естественном праве и естественном языке. Человек должен стать трудолюбивой пчелой и постичь «науку семи должностей», обратившись к естественному нектару – Мифологии. Кроме этого, еще более полезен мед – мудрость древних (Эпиктет, Сенека, Марк Аврелий, Лукиан, Цицерон) и новых (Фонтенель, Вольтер) писателей-моралистов.

По замыслу издателя, ТП должна была дать читателю материал для ежемесячного упражнения в скромности, добронравии, любви к отечеству, трудолюбии и одновременно переве-

сти информационное воздействие на метатекстовый уровень. Повествовательное единство каждого номера имело четкую семантическую иерархию: смысловое ядро и свободную периферию. Ядро организовывало журнальный метатекст, а периферия способствовала образованию нарративных связей, создавая контекст для целостного мировосприятия сообщения.

Статья Г.К. Козицкого «О пользе Мифологии»: генезис ядра семантической структуры

Ядром семантической структуры январского номера ТП стала статья Г. Козицкого. Автор, озаглавив первую статью нового журнала «О пользе Мифологии», одновременно бросил вызов сложившейся традиции и задал вектор метатекстовой стратегии всех будущих двенадцати номеров ТП. С одной стороны, данная статья является оригинальным авторским исследованием, с другой – вводящим метатекстом. Выполняя данную функцию, она погружает читателя в особое время-пространство журнала, представляет основную идею издания и включает в себе его главную концепцию.

Григорий Васильевич Козицкий (1724-1775) вошел в историю русской

литературы XVIII в. как переводчик и журналист. С января 1759 г. Козицкий печатался только в ТП до момента его закрытия в декабре того же года. Всего Козицкий опубликовал в этом журнале 16 статей: 15 из них – переводы и только одна статья авторская – «О пользе Мифологии».

В заглавии статьи явлена традиционная для XVIII столетия апелляция к пользе как актуальному качеству явления, понятия или вещи. Примат пользы был утвержден императорским указом Петра I «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах» от 23 марта 1714 года. Указы, регламенты, артикулы Петра представляли собой идеологические программы, семантическое ядро которых – государственная польза. Статья Козицкого призвана очистить понятие *мифология* от заблуждений и суеверий сложившейся научной и религиозной парадигмы.

Заглавие представляет собой концентрированную сущность текста. Оно занимает пограничное положение между читателем, миром идей и произведением. Будучи именем текста, оно задает вектор его декодирования. Исследователи обращают внимание на то, что название эксплицитно или имплицитно выражает замысел, идею

автора. Это своего рода реперная, вершинная точка текста, его сильная позиция. Для читателя заглавие является основным толкователем авторской интенции. В русском национальном языке к середине XVIII столетия сформировались две пары слов, находящиеся в отношениях производности: *басня* – *баснословие*, *миф* – *мифология*. Как и в случае со словом *басня*, составители «Словаря русского языка XVIII века» в толковании понятия *баснословие* первым фиксируют значение ‘повествование о языческих богах, героях; миф; мифология’. Лексема *баснословие* «отягчена» также и коннотативным значением ‘недостоверные, вымышленные сведения, рассказы; недостоверность, ложность сообщаемого’ [Словарь русского языка XVIII века, 1984, 147].

Появление слова *мифология* вместо более привычного для читателя XVIII столетия *баснословие* в заглавии первой статьи первого номера нового, частного журнала ТП – явление метатекстового порядка. Оно коррелирует с заглавием журнала и концептуально очерчивает «тело» и январского номера, и будущих одиннадцати книжек ТП.

В первом предложении Козицкий как будто уравнивает оба слова:

«Многие как из древних, так и из новых писали о Мифологии, то есть, о баснословии» [Трудлюбивая пчела, 1759, 767]. Далее Козицкий называет мифологию красивой и полезной наукой. Мифология – это целостное, совокупное учение о доисторическом периоде человечества.

Причина, которая подвигла Козицкого написать апологию мифологии, отрицательное к ней отношение в ученых кругах, когда на нее смотрели либо как на ветхие бабкины сказки, либо как на нечто достойное снисходительной насмешки, молчания или даже ругательства. Прагматика текста – восстановить и укрепить достоинство мифологии. Целевая аудитория автора – любопытные и любящие правду читатели. Риторическая стратегия – отказ от громких слов, замысловатых речей, красно и искусно сплетенного слога, а только изображение истины простыми словами. Объясняя читателю возможность и правомерность такой авторской установки, Козицкий заручается поддержкой древнегреческого драматурга Еврипида. Выбор авторитета, как кажется, не случаен. Творчество античного драматурга было во многом новаторским. Он не только вывел на сцену персонажей-людей, а не титанов или идеальных

героев, но и пересмотрел отношение к мифологии. Оно стало рациональным: миф для драматурга – это лишь материал для отражения современных событий. Автор может по своему усмотрению менять второстепенные детали, давать рациональные интерпретации классических сюжетов.

Эта гипотеза подтверждается и самим текстом Козицкого: далее он восхищается великим божественным приобретением, дарованным человеческому роду – умом мыслящим и рассуждающим. Ум и слово, по Козицкому, лежат в основании всех наук. А науки приносят человеку вполне видимую пользу: «Науки нас от самого малолетства будто млеко и сотом питают, в цветущем возрасте сбуждывают страсти наши, и прямой путь к добродетели показывают, а в старости изможденные силы тела и разума нашего ободряют и оживотворяют» [Там же, 9].

Приобщение читателя к мифологии делает его сопричастным славе античных героев и поэтов и открывает врата вечности. Не потому ли творчество современных писателей в призрачном количестве включает подобию и сравнения из древнего баснословия? Мифология для новых авторов может стать образцом «...нежных речей, великолепных слов, остроумных

замыслов» – это и источник языковых форм, и модель развертывания сюжета [Там же, 13].

Мифология – связующее звено между предшествующим и последующим. Это ключ к пониманию произведений Нового времени. Скрепляясь единством персонажей или сюжетных ходов, мифология создает метатекстовое единство. Уже Козицкий заметил, что «одна басня соединяется со многими другими» [Там же, 14]. Поэтому тщательный и любопытный читатель должен знать мифологию для чтения новых авторов «не преткновенно» [Там же, 12].

Козицкий находит в мифологии начало истории как науки, поскольку, по его мнению, первые писатели были стихотворцами. Мифология – это свет в тьме древней истории. Басни о Троянской войне, основание Фив и проч. для невежд – вымысел, а для разумных людей – великолепно украшенная история. В русле масонской направленности ТП не случайно упоминание «о благополучном состоянии Аркадских жителей, которое под именем золотого века ныне во всей подсолнечной прославляется...» [Там же, 16].

Мифология генетически связана с астрономией. Козицкий весьма иронично оценивает попытку некое-

го Юлия Шиллера «выдумать новое небо»: переименовать созвездия с помощью христианской ономастики. Столь же лживой он считает сходное желание Ерарда Вейгеля использовать геральдическую символику европейских монархов и князей [Там же, 19-21]. Покушение на «старое» небо в Новое время было обречено, поскольку древний порядок-космос, явленный в астрономии, генетически лежит в основании философии, политики, домостроя и этики [Фрейденберг, 1990, 158]. В статье Козицкий не только реабилитирует мифологию как науку, но и определяет ее «полезное» место в культуре. Отдавая дань ученым и писателям, занимавшимся изданием толкований на басни, он метафорически и вместе с тем точно описывает методологию мыслительной работы с мифологическим материалом. У автора миф об аргонавтах из объекта исследования трансформируется сначала в его предмет, а затем и в метаязык – новый для журналистики XVIII в. и традиционный для человеческой культуры язык описания. Миф, сохраняя собственную амбивалентность и целостность, призван начать строительство нового социокультурного пространства. Его архитектуралей определялась общекультурным

principium unitatis, который задавался редакцией журнала, и трудолюбивыми пчелами – «любопытными и правду любящими читателями».

По мысли Козицкого, именно «история представляет нам начала, укрепление и распространение государств, подает основательные правила, и показывает в самом деле збывшиеся примеры ко управлению целых народов» [Трудолюбивая пчела, 1759, 14-15]. Поэтому на «писателях истории» лежит огромная ответственность. Данной проблеме посвящена вторая статья январской книжки ТП «Рассуждение о двух главных добродетелях, которые писателю истории иметь необходимо должно, то есть об искренности, и несуетном богопочитании» за подписью *Николай Мотонис* [Там же, 34-47].

Риторический код статьи

Н. Н. Мотониса

Николай Николаевич Мотонис обучался в Киево-Могилянской академии вместе с Г. В. Козицким. С ним же учился в гимназии св. Елизаветы в Бреславле (1747-1748). В 1749 г. Мотонис и Козицкий отправились в Лейпцигский университет, в 1757 г. вернулись в Петербург, а в 1759 г. Мо-

тонис был избран адъюнктом Академии наук и стал преподавать древние языки в старших классах Академической гимназии.

С самого первого номера Мотонис стал автором ТП. За 1759 г. у него пять публикаций: одна статья собственного сочинения «Рассуждение о двух главных добродетелях, то есть об искренности и несуетном богопочитании» (Январь) и четыре перевода. Статья Мотониса в январской книжке ТП генетически связана с концептуальной статьей Козицкого «О пользе Мифологии». Автор «Рассуждения...», предлагает основополагающие критерии труда «сочинителя истории» – «искренность» и «несуетное богопочитание» – как залог нравственной пользы. Заключительный аллегорический пассаж статьи Козицкого про пчелу и змею находит продолжение в сочинении Мотониса: «Ложь дело безчестное во всяком человеке, а наипаче в сочинителе истории для того, что он должен писать с одним только сим намерением, чтобы читателей пользовать, и примерами невымышленными, да самую вещь в сем свете бытие свое имевшими, учить их добрым последовать, а худых избегать, чтобы не впасть им в подобныя, которых он представляет, нещастия»

[Там же, 40]. Более того, «всякой благоразумной и добродетельной читатель никогда не простит сочинителю истории пороков, которые от злобного сердца и испорченного нрава свое начало имеют» [Там же, 35].

Автор статьи настаивает на принципиальном отличии правил «стихотворца» и «слова похвального писателя» от принципов работы «сочинителя истории»: «Никто не будет охуждать сочинителя слова похвального в том, что он Героя своего всеми добродетелями, всеми дарованиями украшает, не упоминая его погрешностей. Напротив того ежели историк подражая сочинителю слова похвального подобное употребит ласкательство, или последуя стихотворцу, станет рассказывать превращения, не будет ли сочинение его баснею, без стоп и без Рифм составленною?» [Там же, 40-41].

Работа Мотониса интересна прежде всего с точки зрения метатекстового единства январской книжки ТП, поскольку запускает когнитивный механизм читательского восприятия материалов журнала. Знакомая целевой аудитории издания риторическая культура становится востребованным инструментом для авторов ТП. В частности, помимо содержательного

аспекта, работа Мотониса представляет интерес с риторической точки зрения.

Поскольку риторическое произведение Мотониса – журнальная статья, то она ориентирована на восприятие не слушателя, а читателя. Статья Мотониса имеет название «Рассуждение о двух главных добродетелях, которыя писателю истории иметь необходимо должно, то есть об искренности и несусеверном богопочитании». Выбор писателем слова из синонимического ряда всегда мотивирован, поскольку каждая лексема, отличаясь от соседней, своей уникальностью «открывает» в смысловом ряду территорию смысла, присущую только ей. Почему автор называет субъекта своего рассуждения *писателем истории*?

Заголовок и вступление очерчивают рамки идеального читателя и идеального писателя. Уже в заглавии автор выстраивает двустороннюю модель коммуникации: *писатель истории – читатель истории*. Коммуникативная модель Мотониса предполагает активного читателя, а само чтение видится ему сложной деятельностью. По убеждению автора, читатель «справедливо требовать может» от писателя двух добродетелей, названных в заголовке [Там же, 36]. Изучая историю

по письменным источникам, читатель «крайнее свое попечение положит в том, чтоб одолеть все затруднения, не дать себя обольстить, и погрузить в бездну безконечных заблуждений» [Там же, 35-36]. С высокой степенью достоверности можно предположить, что это пожелание читателю восходит к изречениям Антония Великого, преподобного, раннехристианского подвижника, жившего в Египте (около 251 – 17 января 356 гг. н.э.) и считающегося основателем отшельнического монашества.

В конце V столетия появилось собрание изречений, приписываемых Антонию и отражавших монашеский идеал. У преподобного есть такие слова: «Всякий может управлять кораблем в хорошую погоду, истинно же искусный мореплаватель познается во время бури» [Мысли Пастыря. Об искушении]. То же самое сравнение читателя с искусным мореплавателем повторяет и Мотонис. В его статье оно представляет собой развернутую метафору, то есть последовательно разворачивается на протяжении большого фрагмента текста: «И читая его историю (недобродетельного историка – Ю.С.; А.Р.) не иначе как *искусной мореплавателем*, которой весь труд на то употребляет, чтоб уничтожить яря-

щихся волн стремление и силу, не допустить их свой корабль сокрушить о камень, и ввергнуть себя в морскую пучину...» [Трудолюбивая пчела, 1759, 35]. Продолжение этой метафоры, составляющее единое предложение, было приведено выше – Мотонис просит читателя не дать себя обольстить и погрузить в бездну заблуждений. От тех же самых искушений предостерегал человека и преподобный Антоний Великий: «Непрестанно бодрствуй над собою, чтобы не быть обольщенным и сведенным в заблуждение, чтоб тебе не впасть в леность и нерадение, чтоб не быть отверженным в будущем веке. Горе ленивым! приблизился конец их и некому помочь им, нет им надежды спасения» [Антоний Великий]. Статья Мотониса размещена в первом, январском номере ТП. Именно в январе отмечается День памяти Антония Великого – 30 января (17 января по старому стилю). Таким образом, зачин статьи рифмуется с началом года и первоначалием нового журнала.

Во вступлении статьи автор конструирует положительный и отрицательный образ читателя и писателя. Своего читателя Мотонис называет благоразумным и добродетельным. Сложные слова с корнями *благ(о)*

и *добр(о)*, актуальные в церковно-славянском языке, восходящие к греческим словообразовательным моделям, наделяют читателя особым сакральным статусом, очерчивают контур основных читательских характеристик. Мотонис полагает, что разум читателя направлен на стяжание блага и добра, и это активная, деятельностная позиция. Как прежде Антоний Великий обращался к ученикам, предостерегая их от лености: «Не забывай трудов, понесенных тобою ради добродетели, не впади в леность, чтоб не оказаться в последний час твой нерадивым и заблудшим с пути правого» [Там же], так и Мотонис надеялся видеть читателей ТП тружениками. Чтобы иметь возможность пропитания, Антоний сам возделывал небольшой надел. Так и текст журнала – поле, которое каждый читатель возделывает по силам своим.

К положительному образу писателя истории автор статьи весьма непритязателен и прощает ему многие пороки. Не прощает лишь злобное сердце и испорченный нрав. Именно такие историки вводят не критично мыслящего читателя в искушение. Таков содержательный аспект введения.

С точки зрения теории красноречия, созданный Мотонисом зачин

можно отнести к парадоксальному типу введения. Первое предложение статьи Мотониса представляет собой риторический вопрос. От лица читателей автор, предупреждая читательское недоумение, вопрошает: «Для чего я не о всех, да о двух добродетелях писателя истории чрез сие им сообщил?» [Трудолюбивая пчела, 1759, 34]. Риторический вопрос озадачивает аудиторию, сбивает со стереотипного мышления, готовит к восприятию нестандартной, необщепринятой, необычной авторской позиции. Зарождается имплицитный диалог двух равных собеседников. Предприняв рассуждения о добродетелях, Мотонис отказывается от морализаторской позиции и не собирается поучать и давать наставления ни самим историкам, ни их читателям. Происходит полное совпадение позиций читателя и автора: ведь и сам Мотонис, будучи пользователем исторических сочинений, так же заинтересован в истинности описываемых приключений. С психологической точки зрения, такая позиция автора помогает внушить доверие своим читателям и тем самым достигнуть цели – уговорить их, добиться благосклонности и расположения.

Изложение-истолкование у Мотониса представляет собой договор о

понятиях. Автор излагает свою точку зрения: что он понимает под искренностью, суеверием и несуеверным богопочитанием и почему добродетели, вынесенные в заголовок, могут считаться главными.

Мотонис еще раз указывает на общность языковых картин мира автора и читателя, называя *искренность* и *несуеверное богопочитание* словами, всякому известными и почти ежедневно употребляемыми в разговорах. Эта общность подчеркивается местоимениями *наших*, *мы*. Автор апеллирует к личному опыту каждого читателя, причем в самых его элементарных, бытовых проявлениях. Для Мотониса искренность есть единство слова, чувства и дела.

В античной риторике такого рода доводы получили название «*argumentum ad hominem*» – «аргументы к человеку», основанные на апелляции к эмоционально-чувственной и морально-этической сферам. Взывая к общему опыту, создавая пересечение дискурсов автора и читателя, Мотонис прибегает к манипуляции – побуждению другого человека к переживанию определенных состояний, изменению отношения к чему-либо, принятию решений и выполнению действий, необходимых для достижения ав-

тором своих собственных целей. А цель заключается в создания единой направленности мыслей, желаний и общественно полезной деятельности автора и читателя.

Предложив свое понимание добродетелей, Мотонис формами личных глаголов вновь активизирует восприятие читателей: «Употребим не много прилежания, и разсудим...» [Там же, 38]. Множественное число снова должно объединить когнитивную деятельность говорящего и слушающего. Стилистический прием троекратной анафоры, с одной стороны, как бы возвращает читателя к проблеме, с другой – является скрепой, создающей многоплановость, объем повествования. Прием лексической анафоры с повторением вопросительного слова *кто*, являющегося субъектом суждения, соответствующим предмету мысли, подкрепляется фигурой синтаксического параллелизма: «...кто ополчает сочинителя истории неустрашимостью, не искренность ли? Кто рождает в нем презрение награждения и пользы? искренность. Кто научает его быть праведным судьей, не взирать на вражду, ни на дружбу, не любить слепо свойственников, или одноземцов своих? Во истину всему сему причиною одна его искренность»

[Там же]. Троекратный вопрос рождает троекратный ответ – искренность. Известно, что цифра 3 имеет сакральный смысл во многих религиях и связана с идеей триединства. Недаром в следующем предложении Мотонис называет искренность добродетелью, достойной золотой статуи, и рисует образ алтаря, на который читатели ежедневно с благоговением должны приносить в жертву искренности свое сердце.

Автор намеренно нагнетает риторический сюжет, и на смену анафоре и синтаксическому параллелизму приходит антитеза. Мотонис описывает картину мира, где нет искренности, нанизывает в одном предложении 8 синонимов-названий пороков: «Где тебя нет, там страх, желание награждения и пользы, ласкательство присутствуют, там ложь, неправосудие, лицеприемство, раболепство торжествуют» [Там же]. Придавая вневременной авторитет своим сентенциям, автор прибегает к приему самосакрализации, скрытой апелляции к авторитетному источнику. Далее идут весьма очевидные и прозрачные аллюзии к библейским текстам, однако Мотонис вводит их словами *по моему мнению*: «По моему мнению как злое дерево не приносит добраго плода, как волчец и

терние не раждают пшеницы, да когда произрастет, удавляют оную: так и суевер не может не только ни мало читателя пользоваться, но еще в состоянии утушить и последнюю в нем искру добродетели» [Там же, 38-39]. Образы дерева и плода – устойчивая новозаветная символика: «Или признайте дерево хорошим и плод его хорошим; или признайте дерево худым и плод его худым, ибо дерево познается по плоду» (Матф. 12: 33); «Нет доброго дерева, которое приносило бы худой плод; и нет худого дерева, которое приносило бы плод добрый» (Лук. 6: 43). Того же генезиса противопоставление терния и семя: «Иное упало в терние, и терние выросло, и заглушило семя, и оно не дало плода» (Марк. 4: 7); уподобление грешника тернию: «а упавшее в терние, это те, которые слушают слово, но, отходя, заботами, богатством и наслаждениями житейскими подавляются и не приносят плода» (Лук. 8: 14).

Логический прием отсылки к прецедентному тексту нужен автору, чтобы связать добродетель искренности историка с Богом. Неискренний сочинитель истории, по Мотонису, не видит в человеческой истории божественного промысла и приписывает ему действия, «кои противны его

силе, премудрости, величеству и правосудию» [Там же, 39]. Неискреннего писателя истории Мотонис считает язычником, сравнивает его сочинения с бабьими баснями, безумными обрядами и злочестивыми жертвоприношениями, прельщающими души неповинных читателей. «Не приводят ли сочинители их неосторожного читателя в крайнее заблуждение?» [Там же] – вопрошает автор.

Итогом диспозиции изложения является рассуждение Мотониса о лжи. Написав, что сочинитель истории должен приносить читателю пользу на «примерах невымышленных», сам Мотонис переходит к следующей части диспозиции – аргументации примерами, или утверждению. Налицо единство слова и дела – заявив теоретические посылки, автор реализует их в своем собственном тексте, разворачивает смыслопорождение по самим же предложенному алгоритму.

Один из типичных риторических приемов Мотониса – обращение к авторитету, – получившее само название от латинского *argumentum ad verecundiam*. Список авторитетов, на которых ссылается Мотонис, весьма обширен и охватывает период от 6 в. до н.э. (Пифагор) до 2 в. н.э. (Лукиан Самосатский). Самым древним в ряду

оказывается древнегреческий философ, математик, мистик, создатель религиозно-философской школы пифагорейцев Пифагор (570-490 гг. до н.э.). Пифагор верил в нравственное облагораживание невежественного народа под властью касты мудрых и знающих людей. Народ должен повиноваться им в чем-то безоговорочно, как дети родителям, а в чем-то сознательно, подчиняясь нравственному авторитету. Пифагор возглавлял тайное общество тридцать девять лет: в течение всего этого времени «пифагорейский союз представлял собой замкнутую организацию посвященных, от которых требовалось строжайшее соблюдение обрядов, предписаний и наставлений» [Обидина, 2008, 355].

В III в. до н.э. появилась компиляция высказываний Пифагора – «Священное слово», из которой позднее возникли так называемые «Золотые стихи». Они содержат ту часть эзотерического учения Пифагора, которую он и его последователи признали возможным открыть непосвященным. Исходя из трех степеней посвящения, стихи разделялись на три части: «Приготовление», «Очищение» и «Совершенствование». В части «Очищение» Пифагор рассуждает о заблуждении и правде:

*Если же в мире возьмет верх
 заблуждение над правдой,
 Мудрый отходит и ждет во-
 царения истины снова.
 Слушай внимательно то, что
 тебе я скажу, и запомни:
 Да не смущают тебя поступки
 и мысли чужие;
 Да не побудят тебя к вредным
 словам и деяньям.
 Слушай советы людей, сам раз-
 мышляй неустанно,
 Ибо безумный лишь может дей-
 ствовать без рассужденья*
 [Пифагор. Золотые стихи].

Пер.Е. П. Казначеевой

Очевидно, для прамасонского журнала деятельность пифагорейцев стала прецедентной. Заканчиваются стихи следующими словами:

*Но воздержися от мяса, оно
 помешает природе
 При очищеньи твоём. Если же
 хочешь избавить
 Душу свою от земного, то ру-
 ководствуйся свыше
 Данным тебе пониманьем.
 Пусть оно правит судьбою!
 После того как очистишь душу
 свою совершенно,
 Станешь ты богом бессмерт-
 ным, смерть раздавившим стопою*
 [Там же].

Поздней временной границей у Мотониса является ссылка на Лукиана Самосатского. Не указывая первоисточник, Мотонис пересказывает некую забавную, но нравоучительную историю: комик Филимон однажды спокойно лежал на своем ложе, как вдруг увидел, что осел поедает приготовленные для него самого смоквы. Филимон разразился смехом, позвал слугу, велел ему подать ослу еще и вина. Не переставая смеяться, он задохнулся и умер. Мотонис уподобляет историка, пытающегося замаскировать недостатки своей книги лживыми присовокуплениями, тому ослу. Уйдя от естества, оба они достойны посмеяния. Оказывается, что данный пример взят Мотонисом из сочинения Лукиана «Долговечные». Трактат представляет собой совокупность небольших рассказов о долгожителях, которые сохранили душевное здоровье и телесную крепость. Мотонис закольцовывает во времени идею очищения тела и духа, добродетелей аскезы, благоразумия, которые даруют человеку долгую и здоровую жизнь. В качестве примеров он приводит жрецов, толкователей, служителей культа, царей, полководцев, философов, ораторов, поэтов, ученых.

Такой же разнообразный список авторитетных мнений предлагает

и сам Мотонис, видимо, показывая свою эрудированность и знание истории. Среди риториков он указывает имя Цицерона, называвшего историю светом правды. Известны афоризмы оратора о правде и лжи:

*Лжецу мы не верим, даже если
он говорит правду.*

Лишь только однажды кто-нибудь даст ложную клятву, тому после верить не следует, хотя бы он клялся несколькими богами.

*Разве порядочному человеку
пристало лгать?*

Те, кто много обманывают, стараются казаться честными людьми
[Цицерон Марк Тулий].

Мотонис устами славного писателя Геродота говорит от имени древних персов, продолжая мысль Цицерона, что ложь есть главное бесчестие. Имя Геродота идет за Цицероном неслучайно, хотя эти античные авторы разделены во времени периодом в 378 лет: Цицерон называл Геродота отцом истории. Среди уважаемых авторов есть и упоминание о Плинии Старшем – римском писателе-эрудите, авторе «Естественной истории» [Гай Плиний Секунд (Старший)]. Очевидно, для авторов ТП Плиний Старший мог быть ориентиром в их литературной деятельности. О нем говорили как

о человеке необыкновенного трудолюбия. Он считал потерянным всякий час, не посвященный умственным занятиям, поэтому для него не было такого места и времени, которое нельзя бы было занять учеными штудиями. Он считал, что нет столь дурной книги, из которой нельзя было бы извлечь какой-либо пользы.

Среди великих и достойных почитания царей упоминаются Филипп и Александр Македонские. Личность царя и полководца Филиппа II облагораживается его близким знакомым философом Аристотелем. Именно Аристотель ввел понятие *этики* и *этических добродетелей*. Он считал этические добродетели серединой между крайностями – избытком и недостатком. Достоинствами он называл: кротость, мужество, умеренность, щедрость, величавость, великодушие, честолюбие, ровность, правдивость, любезность, дружелюбие, справедливость, практическую мудрость, справедливое негодование. Филипп прилежно и терпеливо слушал правду, которую говорил ему Аристотель, подавая наставления в правлении. Мотонис ссылается на древнеримского писателя и философа Клавдия Элиана, который рассказывал: после знаменитой победы над афинянами при Херо-

нее Филипп нанял нарочного, который трижды в день напоминал ему правду: «Помни, Филипп, что ты человек» [Трудолюбивая пчела, 1759, 43]. Сына Филиппа, великого Александра Македонского, Мотонис называет славным подражателем в этой добродетели.

Среди доблестных полководцев Мотонис заручается авторитетом Эпаминонда, военного и политического деятеля Древней Греции. Эпаминонд не был богат, придерживался самого простого образа жизни, был воздержан в еде и даже, по преданиям, не имел сменного плаща. Современники запомнили его как доброжелательного, терпеливого, скромного и правдивого человека: он отказывался лгать даже в шуточном разговоре. Как воин Эпаминонд заслужил уважение своим милосердием к поверженным врагам.

В целом в статье явлена ярко выраженная позитивная направленность аргументации автора. При всем многообразии положительных примеров Мотонис только однажды дает отрицательный аргумент – героем его становится спартанский полководец Лисандр Лакедемонский. Мотонис называет Лисандра Лакедемонского «в роде человеческого уродом» и еще раз отказывает сочинителю истории в возможности дополнять недостатки своей

книги ложными повестями. Очевидно, используя весь арсенал, наработанный риторикой к середине XVIII столетия, Мотонис включает в блок своей аргументации и опровержение от противного (лат. *reductio ad absurdum*) – форму доказательства, применявшуюся уже в «Началах» Евклида.

В заключении статьи Мотониса появляются две линии уподобления писателя истории. Одна отрицательная – историк не должен быть подобен живописцу, который, «изображая непригожаголицем, придает ему больше краски или белости» [Там же, 47]. Вторая положительная – историк должен быть подобен «судье, и наблюдать правду» [Там же].

Структурная часть *утверждение* начиналась у Мотониса апелляцией к имени Цицерона. В заключении находим имплицитную отсылку к афористике античного автора. Практически дословно воспроизводится его сентенция о лжи: «Кто лжет добровольно, тому никто, хотя и правду станет представлять, ни в чем не верит...» [Там же]. Историк не должен снабжать свои сочинения украшениями и увеселениями из других наук или искусств. Историк не равен баснописцу или поэту, имеющему совершенно иное целеполагание при описании

героя. История – это не математика или философия, основанная на несомненных правилах и доказательствах; история строится на вероятных доказательствах, поэтому во многом зависит от искренности сочинителя. Мотонис курсивом выделяет правило: «Должны мы везде искать правды, и стараться всеми силами открыть истинныя причины приключений» [Там же, 44]. Именно этим правилом и руководствуется А. П. Сумароков при написании исторического очерка «О первоначалии и созидании Москвы» [Там же, 48-58].

«О первоначалии и созидании Москвы»: от топоса-места к топике культуры

Это первая статья автора и редактора ТП, размещенная в январском номере журнала. Одним из основных источниковедческих материалов для Сумарокова послужила хронографическая повесть «О начале царствующего великого града Москвы како исперва зачатся» (так повесть обозначена в исследовании С.К. Шамбинаго [Шамбинго, 1936, 244-251]; у М.Н. Тихомирова – «О зачале царствующего великого града Москвы, како исперва зачатся» [Тихомиров, 1950, 233-241].

Существительные *первоначалие* и *созидание* указаны в качестве заглавных не случайно, поэтому представляют несомненный исследовательский интерес. Для Сумарокова обращение к слову *первоначалие* имело концептуальный характер. В названии хронографической повести XVII в. «О начале царствующего великого града Москвы, како исперва зачатся» идея первоначалия выражена словосочетанием *исперва зачатся*. Для неизвестного автора повести первостепенное значение имел факт возникновения Москвы на крови. Во введении к повести утверждается, что Москва может являться третьим Римом, поскольку и древний Рим, и второй Рим (Константинополь) возникли на человеческой крови. Так и основание Москвы связано с кровопролитием: в 1158 г. князь Юрий приехал в московские земли, принадлежащие тогда боярину Стефану Ивановичу Кучке. Боярин встретил князя без должной почтительности и был за это казнен. Двоих его сыновей, Петра и Акима, дочь Улиту Юрий Долгорукий отослал во Владимир к сыну Андрею. Улита стала женой Андрея. Сам Юрий вернулся в Киев, наказав сыну город Москву населять людьми и распространять ее владения. Улита не любила мужа, отказывавшегося

от исполнения супружеского долга с ней. Подстрекаемые сестрой, Кучковичи убили князя, но и сами погибли от брата Андрея, Михалка Юрьевича.

Сумароков смещает акценты. Точка зрения на прежде бывшие события для Сумарокова – середина XVIII в. В первом предложении он, несомненно, возводит современную ему Россию к Киевской Руси и оценивает княжения в ней как великие: «Возшел на престол великаго княжения в России на место Родителя своего Владимира Всеволодовича Мономаха, Георгий, проименованный Долгорукий» [Трудолюбивая пчела, 1759, 48]. Сумароков обращает внимание на живописные пейзажи и прекрасные села по берегам Москвы-реки. Не кровавые события, а именно первозданная природа: реки, горы, леса – стали для Юрия Долгорукого аргументами в выборе места строительства нового города. Так считает автор ТП: «Возшел на гору, где ныне Кремль, и обозрел около рек Москвы и Неглинной лежащая прекрасная места, возлюбил Великий Князь сие местоположение, и повелел построить тамо деревянный город и назвать по имени Москвы реки, Москвой [Там же, 49]. Отсылка к современности: «Где ныне Кремль» – еще раз указывает, что события XII в. для

Сумарокова только повод и аналогия для строительства «нового храма». Сумароков усиливает эту мысль каждым последующим предложением: «А в имя сына своего Андрея именованного прежде Китаем, повелел он построить город у Москвы реки, где ныне Знаменской монастырь (курсив наш – Ю.С., А.Р.), назвав оный Китаем» [Там же]. Писатель отмечает, что, «заботясь о населении Москвы», князь Андрей паче всего стремился к созиданию церквей и их иконному украшению. Вскользь, упоминая Царь Град, Сумароков отсылает читателя к модной в середине XVII в. идее старца Филофея о трех Римях. Но это для автора ТП не самое главное. Если зачатком Москвы во введении к хронологической повести является кровопролитие, то у первоначалия Москвы, по Сумарокову, – природа и Бог.

В отечественной историографии нет единого мнения по поводу времени основания Москвы. Градостроительство связывают как с именем Юрия Долгорукого, так и Даниила Московского. Для Сумарокова эта непроясненность – возможность для удвоения сюжета. Он пишет, что через 115 лет после Юрия княжить в Москве стал четвертый сын Александра Невского – Даниил. Князь Даниил,

«пришед из Владимира на Московские поля, полюбил сие местоположение, как прежде того Великий Князь Георгий» [Там же, 51]. Очевидна множественность черт сходства обоих сюжетов. И во втором – данииловском – сюжете при упоминании храмовых построек Сумароков косвенно указывает на первый и второй Рим. Так, князь Даниил, объезжая территории, нашел в горах хижинку, в которой жил пустынный именован Падона, родом Римлянин. Он дал Даниилу совет построить на месте своей хижины дом Божий. Далее в год основания Даниилом города Алексина, названного в честь сына, «пришел к нему из Греции Епископ Варлаам, и с собою принес на посвящение церквам многия части нетленных тел угодников Божиих» [Там же, 52-53].

Редупликация сюжета лексически находит отражение и в слове *первоначалие*. В данном случае можно говорить о так называемом *сгущении смысла*. Сгущение смысла мы видим, во-первых, в объединении корней со сходным значением в рамках одного слова, поскольку лексемы *первый* и *начальный* рассматриваются как синонимы. Во-вторых, благодаря словосложению в художественном тексте как поэтический прием возникло

совмещение разных значений многозначного слова в пределах одной письменной репрезентации.

По данным «Словаря русского языка XVIII века», слово *первоначалие* функционировало в 3 значениях:

1. '*Начало, появление, происхождение чего-л.*' '*Первенство по положению, званию; старшинство*'.

2. '*Первенство по положению, званию; старшинство*'.

3. '*Превосходство, первое место в чем-л.*' [Словарь русского языка XVIII века, 2011, 21-22].

Сумароков в заглавии «О первоначалии и созидании Москвы» совмещает все три значения. Постоянные параллели между «веком нынешним и веком минувшим» говорят о том, что для Сумарокова Москва – это и древняя столица, которую с начала XVIII в. стали почетно-торжественно именовать первопрестольной, подчеркивая ее историческое старшинство по сравнению с Санкт-Петербургом. Это и ее «нынешнее состояние», когда она «время от времени далее пристиралась, и более украшалась» [Трудолюбивая пчела, 1759, 49].

Идея распространения и украшения Москвы в заглавии сумароковского текста выражена словом *созидание*. Глагол *сзидати* в цер-

ковно-славянском языке соответствует древнегреческому οἰκοδομεῖν и восходит к корням οἶκος – ‘дом’ и ‘domo’ – ‘строить, сооружать’. Исконно *созидание* – это ‘домостроение’, ‘храмостроение’, поскольку в древнерусском языке слово *храм*, по словарю Срезневского, обозначало не только собственно ‘церковь’, ‘сокровищницу’, но и ‘дом’, ‘жилище’, ‘комнату’, ‘горницу’ и даже ‘лавку’ [Срезневский, 1903-1912, 1397-1398].

Сумароков указывает, что «от начатия Великим Князем Георгием Москвы, до дней Московскаго князя Даниила Александровича» минуло 115 лет [Трудолюбивая пчела, 1759, 51]. Княжения за более чем вековой промежуток времени Сумароков опускает. Зато в свой перечень он включает князей Василия Дмитриевича и Василия Васильевича, не фиксируя при этом их успехов на поприще градостроительства. Сумароков называет имена двенадцати Великих Князей, что, конечно же, прямо отсылает читателя к деяниям апостолов. Появление в первом предложении имени Владимира Всеволодовича Мономаха дает импульс сюжетного развертывания риторического сюжета, связанного с концепцией самого журнала ТП. Княжение Мономаха не имеет никакого

отношения к первоначалию и созиданию Москвы. Однако его «Поучения» в истории литературы Древней Руси называют первой светской проповедью. Покаянием, слезами и милостию Мономах призывал избавляться от грехов, чтобы не лишиться Царствия Небесного. А слова из «Поучения»: «Малым делом можно получить милость Божию» – стали крылатыми. Выстраивается параллель: Христос и 12 апостолов, продолжающих слово и дело Господа – Мономах и 12 князей, строящих в Москве храмы Господни.

Первоначалие и созидание ТП для Сумарокова и его сподвижников явились таким малым делом, храмом Духа, который они заложили и строили от номера к номеру – и так двенадцать номеров. Несомненна и масонская составляющая. Именно она фокусирует внимание Сумарокова на тех или иных аспектах, связанных с происхождением и созиданием Москвы. Как уже отмечалось, автор запечатлевает прежде всего храмовое строительство. В масонстве храм является символом духовности. Созидание Храма, конечно, не в физическом, а в духовном смысле, – основная сфера усилий масонов. Как средневековые каменщики трудились над обработкой «дикого камня», чтобы придать ему правильную

форму, так и масоны, современники Сумарокова, пытались искоренять из символического камня – души человека – страсти и пороки, насаждая добродетели. Долг масона – продвигать дело созидания, роста, познания. Сначала этот духовный подъем необходимо совершить в самом себе, а затем передать его внешнему миру. Звеном такой коммуникационной цепочки для авторов ТП стал первый российский частный журнал.

**«О истреблении чужих
слов из Русскаго языка»: от
«несумненного заблуждения» к
катарсису**

Проблема, обозначенная Сумароковым в заглавии очерка «О истреблении чужих слов из Русскаго языка», была не нова для конца 50-х гг. XVIII века. Большинство мыслителей XVIII столетия выразили свое негативное отношение к наплыву иноязычных слов в русский язык. Зная о том, что Сумароков никогда не причислял себя к сторонникам того или иного лагеря, всегда придерживался самостоятельной, а иногда даже и маргинальной позиции, трудно представить, что в первом номере журнала в собственной статье он решил стать «одним из»

ревнителей русского языка. Поэтому текст данной статье, на наш взгляд, не следует рассматривать сугубо с лингвистических позиций как призыв русского писателя к искоренению заимствований. Конечно, статья имела такую задачу, но как частную, существующую в русле некой сверхзадачи, которую и необходимо реконструировать в метатексте первого номера и всего журнала.

Для Сумарокова вопрос аутентичности русского языка был одним из важнейших. Заглавная лексема *истребление* старославянского происхождения, восходящая к глаголу *истребити* от *καθαρίζειν* [Цейтлин, Вечерки, Благовой, 1999, 272]. В древнегреческом языке *κάθαρσις* – *катарсис* – ‘возвышение’, ‘очищение’, ‘оздоровление’. В терминологическом значении слово восходит к учению пифагорейцев, которые рекомендовали музыку для очищения души. В древнегреческой эстетике под катарсисом понималось эстетическое и этическое воздействие искусства на человека, связанное с очищением духа через переживания, с возвышением человеческого разума и облагораживанием чувств. Н. Д. Тмарченко в одноименной словарной статье пишет, что катарсис – это «свойственная любому произведению

словесного творчества “встреча” сознаний *читателя* и *героя*, читателя и *автора*» [Тамарченко, Нилюкин, 2003, 341]. М. М. Бахтин также придерживался диалогической концепции катарсиса как ответа на чужую духовную активность [Там же, 342].

В середине XVIII столетия термин вошел в употребление и на русской почве в форме *катахризис* (-сис) (Третьяковский 1750; Ломоносов 1759). Очевидно, что и Сумароков, говоря об истреблении чужих слов из русского языка, заботился прежде всего об очищении русского духа, о просветлении разума. В. В. Виноградов в разделе «Неизвестные произведения Н. М. Карамзина» в книге «Проблема авторства и теория стилей» (1961), а в настоящее время А. М. Камчатнов в «Истории русского литературного языка: XI – первая половина XIX века» (2005) связали влияние Сумарокова и его школы на развитие общенационального русского языка с возникновением религиозно-философского течения масонства [Виноградов, 2005, 356].

В предшествующей статье Сумарокова «О первоначалии и созидаании Москвы» возникновение и развитие журнала уподобляется храмовому строительству. При этом, ко-

нечно, возведение масонского храма рассматривается как достижение абстрактной духовной цели, созидаание концептуального мифологического пространства. Как в «золотой век» человеческой истории мифология стала формой выражения религиозных, социальных, политических, моральных, философских идей, так и журнальный текст должен был очертить контур мировоззренческих представлений авторов ТП. Не случайно поэтому первой, редакторской, статьей журнала стало рассуждение Козицкого «О пользе мифологии». Какая мифология может быть полезна читателю середины XVIII века? Не культ племени или рода, но культ государства, не культ предков, не культ разума – как и в античные времена, общество нуждалось в соответствующих мифах. В аллегорической форме отражая представления о мире, миф предпринимает попытку разобраться в сложных вопросах бытия. Для думающего и чувствующего читателя – современника Сумарокова – на первый план вышли размышления о власти и человеке, о правде и лжи, о достоинстве и чести, о разуме и вере, о законе и произволе.

Строительным материалом любой концепции является язык как вы-

разитель духовной сущности нации. Поэтому Сумарокову немаловажно, каков будет этот строительный материал: натуральный природный, дикий камень, символ надежной опоры, твердости, незыблемости или искусственная смесь, яркая, привлекательная, но непрочная, созданная на потребу дня.

Для Сумарокова несомненным заблуждением придворно-аристократического круга является поверхностное стремление к щегольству на европейский манер, отрыв от исконной русской языковой основы. Сам подбор писателем материала в качестве языковых примеров очерчивает масштаб ничем не мотивированных лексических нововведений: начиная от уборного стола (*нахтиш*, *тоалет*) и заканчивая абстрактной лексикой (*жени* в.м. остроумие, *бонсан* в.м. рассуждение, *едюкация* в.м. воспитание).

Естественная среда обитания русского человека, его быт, уклад повседневной жизни стремительно переименовываются. Значительная часть физической и социальной жизни человека перестает быть традиционной и создается по новым правилам из другого, уже кем-то ранее использованного материала. Кажется, что Сумароков видит в этом не языковую, а эсхатологическую проблему:

упорядоченный космос превращается в хаос. Ведь традиционный русский быт соотносится с жизненным циклом человека. Несколько десятков приведенных Сумароковым заимствований очень четко демонстрируют разрушение прежней, природной, основы бытия. Это новые названия:

еды – *фрукты* в.м. плоды, *суп* в.м. похлебка;

жилища – *антишамбера* в.м. передняя комната, *камера* в.м. комната;

посуды – *столовый сервиз* в.м. столовый прибор;

одежды – *мантилья* в.м. епанечка, *сюртук* в.м. верхнее платье;

мебели – *нахтиш*, *тоалет* в.м. уборный стол;

бытовых приборов, приспособлений, инструментов – *веер* в.м. опахало, *бурса* в.м. кошелек;

терминов родства – *гувернанта* в.м. мамка, *аманта* в.м. любовница;

социальных и профессиональных отношений – *принц* в.м. князь, *кихенмейстер*, *кухмистр* в.м. начальный повар, *фершель* в.м. бритовщик;

игр – *атут* в.м. козырь, *роа* в.м. король, *дама* в.м. краля, *валет* в.м. хлап.

Русский человек стал похож на иностранца в своем Отечестве. Сума-

роков уподобляет его немке из Московской Немецкой слободы, которая от плохого знания русского языка пережегала речь немецкими словами.

Однако, по замечанию В. В. Виноградова, «Сумароков не был пуристом» [Виноградов, 1978, 47]. Мнимыми Сумароков считает заимствования, сделанные «без необходимости», без нужды. Примат пользы заявлен уже в первом предложении и развивается на протяжении всего текста. Писатель оправдывает только такие заимствования, которые попали в язык как названия «таких животных, плодов, и протчаго, каких Россия не имеет» [Трудолюбивая пчела, 1759, 61]. Примеры Сумарокова: *карп, стерлядь, соболь, сарделли, каперсы, оливки, цитрон, апельсин, померанец*.

Чуждые слова в разговорах и письмах кажутся Сумарокову смешными и странными. Однако в печати они еще более неуместны, поскольку останутся в наследство потомкам. Суетность, измельчание, посмеяние современного Сумарокову уклада жизни отражены им метафорически: коня в лошадь преобразили! «...все новыя не к стати введенныя в наш язык дикия слова» Сумароков называет низкими и приводит в пример язык «славенских наших книг» [Там же, 60-61].

Сумароков ставит русскому языку медицинский диагноз: он так сильно заражен этой язвой, что «уже вычищать его трудно; а ежели сие мнимое обогащение еще несколько лет продлится, так совершенного очищения не можно будет больше надеяться» [Там же, 59]. Лекарство против этой болезни – возвращение национального честолюбия.

Древность языка, его близость к начальному, неиспорченному, чистому состоянию является для Сумарокова критерием правильности, силы, выразительности. Таким образом для автора является греческий язык: «Греческия слова введены в наш язык по необходимости, и делают ему украшение» [Там же, 61]. А кроме того, не развиваясь семантически, греческая лексика стала прекрасным материалом для терминов – названий наук, болезней; грецизмы «для изъяснения точности потребны нашему языку» [Там же]. Сложенный древним греками с великим старанием язык для Сумарокова является верхом совершенства, римляне и впоследствии вся Европа приняли его с почтением.

И снова неслучайным оказывается подбор Сумароковым языкового материала – грецизмов: *порфира, ски-*

петр, диадема, трон, корона. Все они объединяются в одну тематическую группу – царская власть. Как символика, так и слова, ее обозначающие, для Сумарокова характеризуются красотой и великолепием. Греческая традиция в русском языке придает ему достоинство, а слова «Немецкия и Французския язык наш обезображивают» [Там же, 62].

Язык – это память народа. По Сумарокову, язык должен запечатлеть для потомков лучшие страницы истории. Не унижение от татар, а культурное родство и преемственность с Византией, не *кафтан*, а *порфира*, не *лошадь*, а гордый *конь*. Очищение языка, возвращение к его первоначальному облику – задача печатного слова, миссия ТП.

«О стихотворстве Камчадалов»: очищение обрядовой песней

Завершает январскую книжку ТП статья Сумарокова «О стихотворстве Камчадалов» [Там же, 63-64]. Полторы страницы текста были восприняты критиками, историками литературы, лингвистами прежде всего как поэтологический манифест автора, направленный против его извеч-

ных соперников – М. В. Ломоносова и В. К. Тредиаковского.

Г. А. Гуковский, создавая собственную концепцию поэтического творчества Сумарокова, усматривал в его статьях прежде всего полемику с ломоносовской традицией. Появление «О стихотворстве Камчадалов» в январском номере ТП исследователь считал логическим продолжением раз и навсегда заявленного литературного *scredo*: «На пути прославления безыскусственного выражения Сумароков столкнулся с народным творчеством; он приемлет его как образчик, по его мнению, художества, не испорченного отказом от простого, человеческого слова» [Гуковский, 2001, 50].

И. Клейн интерпретировал статью «О стихотворстве Камчадалов» как «полемический выпад Сумарокова против любовной лирики Тредиаковского», в котором для противопоставления «искусственности его поэзии» привлекается «экзотический материал», свидетельствующий «не об этнографических интересах Сумарокова, а о намерении посильнее задеть противника обидным сравнением» [Клейн, 2005, 29].

А. С. Демин усмотрел в статье Сумарокова общую для науки середины XVIII столетия тенденцию:

«моральные и эстетические ценности народов, не учтенные официальной поэзией, предавались гласности в литературно-географических сочинениях и филологических заметках» [Демин, 1998, 564]. В качестве примера ученый приводит книги Н. П. Рычкова, изданные в 1770-72 гг., где тот «уважительно писал о симбирских татарах», отмечая, что «А. П. Сумароков пошел дальше и напечатал «О стихотворстве камчадалов»... где «важна настроенность искать поэзию у далекого и отсталого народа» [Там же, 565].

Вместе с тем в 1842 г. В. Г. Белинский назвал Сумарокова «первым русским критиком, ибо первый, так или сяк, выражал печатно свои понятия об искусстве и литературе» [Белинский, 1948, 375], и журналистом, поскольку он издавал ТП. Критик XIX в. считал, что журнальные статьи Сумарокова «чрезвычайно интересны и для нашего времени, как живой отголосок давно прошедшей для нас эпохи, одной из интереснейших эпох русского общества» [Там же, 377]. Однако Белинский сетует, что «они изданы Новиковым без толку, без плана, с страшными опечатками и искажениями смысла, без примечаний и что теперь некому издать всех сочинений Сумарокова как следует, а главное – с

необходимыми пояснениями и примечаниями» [Там же].

Статья «О стихотворстве Камчадалов» как раз и требует особых пояснений и примечаний. Во-первых, ее появление в январской книжке ТП было предвосхищено первой статьей номера – концептуальной работой Козицкого «О пользе Мифологии». После известного пассажа о пользе истории, которая «не может достигнуть к совершенству без Мифологии», находим: «О благополучном состоянии Аркадских жителей, которое под именем златаго века ныне во всей подсолнечной прославляется, сколько о древних Камчадальских и Американских действиях, ежели бы не имели басен» [Трудолюбивая пчела, 1759, 16]. Из контекста статьи Козицкого не ясно, о каких камчадалах идет речь, являются ли они мифическим народом или упомянуты лишь в качестве экзотической фигуры речи. Лишь появление на последних двух страницах январской ТП статьи Сумарокова, где камчадалы и их стихотворство вынесены автором в заглавие, приоткрывает завесу тайны. Здесь необходимо второе, более пространное пояснение.

В 1755(6) г. в Санкт-Петербурге вышла книга С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки», ставшая

излюбленным российским чтением и переведенная в 1760-70-х гг. на английский, немецкий, голландский и французский языки. Несомненно, появление статьи Сумарокова в январе 1759 г. подогрело интерес европейской публики к труду участника Второй Камчатской экспедиции. Монография Крашенинникова была опубликована уже после смерти ученого. Однако имя профессора было еще долго на слуху не только благодаря научным заслугам, но и из-за крайне бедственного положения его детей. В 1760 г. Сумароков публикует в журнале «Праздное время в пользу употребленное» «Цидулку к детям покойного профессора г. Крашенинникова», а в 1764 г (публ. 1765). упоминает о несчастных детях профессора в тексте комедии «Опекун».

Однако в самой статье «О стихотворстве Камчадалов» о труде профессора Крашенинникова нет ни слова. Якобы камчадалская песенка завершает текст статьи, служит иллюстративным материалом и не комментируется автором:

*Потерял жену и душу,
И пойду с печали в лес:
Буду с древ здирать я корку,
И питаться буду тем,
Только встану я по утру,
Утку в море погоню,*

*И поглядывать я стану,
Не найду ли где души*

[Там же, 64].

У Крашенинникова находим: «...песня, называемая аангичь, сложена на голос морской утки, аангичь называемой...»

1. Гнакоеде олосконга ворока а хитец зинтес бине зотес Комчул белоон.

2. Капанинача угарен: Бине зотес Комчул белоон.

Весь смысл песни состоит в том: я потерял жену свою и душу, с печали пойду в лес, буду сдирать кору с дерева и есть, после того встану поутру, погоню утку аангичь с земли на море, и на все стороны поглядывать имею, не найду ли где любезного моего сердца» [Крашенинников, 1949, 431].

Переведенный и пересказанный Крашенинниковым текст древней камчадалской песни указывает на ее тотемический характер. О. М. Фрейденберг отмечала, что до родового строя главные божества «женские; мужские играют подчиненную им роль, что делает из них юных сыновей-возлюбленных; это женское божество становится богиней земледелия, с ведущим значением плодородия, а мужская растительная природа

ограничена главным образом способностью воскрешать-оплодотворять» [Фрейденберг, 1997, 203]. Очевидно, что в центре далеко не простой камчадалской песенки находится не вегетативный мужской персонаж, которому при пересказе студент Крашенинников отдал прерогативу субъекта речи, а утка Аангичь (Песня исполняется женщинами, подражающими голосу утки). Главное ритуальное действие не поиск утраченной жены, а полет Аангичь с суши на море, который должен восстановить нарушенный на время порядок. Неслучайно современные ительмены, потомки древних камчадалов, до сих пор подметают в жилище не чем иным, как утиным крылом. Считается, что для наведения чистоты камчадалам нельзя использовать что-либо другое. Иначе вместе с мусором неминуемо будет утрачено нечто очень нужное, на чем держится гармония бытия [Семенова, 2004, 74]. Магическая функция метлы у многих европейских народов – возможность летать по небу – у камчадалов мотивирована еще и ее тотемным происхождением.

Сумароков использует прозаическую основу мифологической камчадалской песни «Аангичь» для создания собственного варианта ли-

рической песенки. В результате «поэтическая вечность становится не меньшей реальностью, нежели поэтическое время» [Лосева, 2012, 54]. Для автора ТП это не экзотический этнографический материал, а дикий камень новой мифологии. В камчадалах он видит пример новых аркадских жителей, стихотворство которых способно очистить поэтическое творчество от ослепления – желания «превзойти Гомера, Софокла, Вергилия и Овидия» [Трудолюбивая пчела, 1759, 64]. Пафос статьи – катарсис стихотворства, «которое чистейшим изображением естества назваться может» [Там же].

Заключение

Издание ТП мотивировано широкой просветительской программой А. П. Сумарокова в русле идеологии масонства. Создание журнального времяпространства уподобляется храмовому строительству, рассматриваемому как достижение духовной цели. Журнальный текст очерчивает контур мировоззренческих представлений авторов ТП: культ государства, примат пользы, размышления о власти и человеке, о правде и лжи, о достоинстве и чести, о разуме и вере, о законе и

произволе, о русском языке. Название ТП – гиперкодированное выражение: журнал должен дать читателям материал для ежемесячного упражнения в скромности, добронравии, любви к отечеству, трудолюбии.

Ядро семантической структуры январского номера ТП – статья «О пользе Мифологии». Это попытка очистить понятие *мифология* от заблуждений и суеверий сложившейся научной и религиозной парадигмы. Прагматика текста – восстановить и укрепить достоинство мифологии. Целевая аудитория автора – любопытные и любящие правду читатели. Риторическая стратегия – отказ от громких слов, замысловатых речей, красно и искусно сплетенного слога, а только изображение истины простыми словами. Мифология создает непрерывность культурного пространства, это связующее звено между предшествующим и последующим, а также заданный образец благополучия, явленного в «золотом веке» человеческой истории.

Коммуникативная модель номера предполагает активного читателя, а само чтение – сложную деятельность. Своего читателя авторы считают благодарным и добродетельным. На страницах журнала зарождается имплицитный диалог двух равных собеседников,

подчеркивается общность языковых картин мира автора и читателя.

Возникновение и созидавание Москвы становится аллегорией строительства «нового храма». Издатель уподобляет просветительскую деятельность авторов ТП деяниям апостолов. Созидание Храма души – основная сфера усилий масонов. Как средневековые каменщики трудились над обработкой «дикого камня», чтобы придать ему правильную форму, так и масоны, современники Сумарокова, словом искореняют из символического камня – души человека – страсти и пороки, насаждая добродетели.

Истребление чужих слов из русского языка превращается в катарсис – эстетическое и этическое воздействие искусства на человека, связанное с очищением духа через переживания, с возвышением человеческого разума и облагораживанием чувств. Строительным материалом любой концепции является язык как выразитель духовной сущности нации. Древность языка, его близость к начальному, неиспорченному, чистому состоянию является критерием правильности, силы, выразительности. Язык – это память народа. Очищение языка, возвращение к его первоначальному облику – задача печатного слова, миссия ТП.

На выполнение этой задачи направлены мифотворческие усилия Сумарокова. Камчадалы середины XVIII в. уподобляются жителям Аркадии, которые живут в свободе, праздности и любви. Естественность бытия определяет истинность и чистоту их стихотворства. Оно призвано очистить современную Сумарокову поэзию от ослепления искусственностью, стремления к ложно понятому состязанию с античными авторами.

Коммуникативная стратегия январского номера ТП – первоначалие и созидание единой направленности мыслей, желаний и общественно полезной деятельности авторов и читателей журнала. Каждая из статей продолжает предыдущую, а все вместе они образуют новое для XVIII столетия метатекстовое единство, на семантическом поле которого участники диалога по доброй воле работают каменщиками и зодчими новой культурной топики.

Библиография

1. Антоний Великий // Отечник, составленный святителем Игнатием Брянчаниновым. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ccel.org/contrib/ru/Otechnik/Ot4.html>
2. Белинский В.Г. Речь о критике // Собр. соч: В 3-х томах. – Л.; М.: ОГИЗ; ГИХ, 1948. – Т. 2. – С. 344-413.
3. Березина В. Журнал А.П. Сумарокова «Трудолюбивая пчела (1759)» // Вопросы журналистики. Сб. статей. – Л.: ЛГУ, 1960. – Вып. 2. – С. 3-37.
4. Виноградов В.В. Основные этапы истории русского языка // История русского литературного языка. Избранные труды. – М.: Наука, 1978. – С. 10-65.
5. Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей. – М.: Художественная литература, 1961. – 614 с.
6. Гай Плиний Секунд (Старший) // Античные писатели. Словарь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ancientrome.ru/dictio/article.htm?a=327843473>
7. Гуковский Г.А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века / Общ. ред. и вступ. ст. Живова В.М. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 352 с.
8. Демин А.С. О художественности древнерусской литературы. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 848 с.

9. Камчатнов А.М. История русского литературного языка: XI – первая половина XIX века. – М.: Академия, 2005. – 688 с.
10. Клейн И. Пути культурного импорта. Труды по русской литературе XVIII века. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 576 с.
11. Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. – М.; Л.: Главсевморпути, 1949. – 841 с.
12. Лосева К.А. Взаимообусловленность формы и содержания в поэтическом тексте (на материале поэмы М.А. Волошина «Бунтовщик») // Язык. Словесность. Культура. – 2012. – № 4. – С. 51-67.
13. Ляцкий Е. Сумароков (Александр Петрович) // Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. – М.: Русское слово, 1996. – С. 5913-5918.
14. Мысли Пастыря. Об искушении. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://myslipastyria.com/o-iskusheniyaх/>
15. Обидина Ю.С. Пифагор и его школа: соотношение религиозной мистики и математического рационализма // Личность. Культура. Общество. – 2008. – Т. 10. – № 5-6. – С. 353-359.
16. Пифагор. Золотые стихи. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gumasons.chat.ru/goldvers.html>
17. Семенова С.В. Мифологическое самосознание коренных народов Камчатки // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. – 2004. – № 2. – С. 61-76.
18. Словарь русского языка XVIII века. – Л.: Наука, 1984. – Вып. 1. – 224 с.
19. Словарь русского языка XVIII века. – СПб.: Наука, 2011. – Вып. 19. – 240 с.
20. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. – СПб.: Имп. Ак. наук, 1902. – Т. 2. – 1802 стб.
21. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. – СПб.: Имп. Ак. наук, 1903-1912. – Т. 3. – 1684 стб.
22. Цейтлин Р.М., Вечерки Р., Благоявая Э. Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков). – 2-е изд. – М.: Русский язык, 1999. – 842 с.
23. Тамарченко Н.Д., Николюкин А.Н. Катарсис // Литературная энциклопедия терминов и понятий. – М.: Интелвак, 2003. – Стб. 341-342.
24. Тихомиров М.Н. Сказания о начале Москвы // Исторические записки. – 1950. – Т. 32. – С. 233-241.
25. Трудолюбивая пчела. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1759. – 767 с.

26. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. – М.: Лабиринт, 1997. – 448 с.
27. Фрейденберг О.М. Утопия // Вопросы философии. – 1990. – № 5. – С. 148-167.
28. Хуэйцзюнь Ю. А.П. Сумароков – автор «Трудолюбивой пчелы»: устоявшаяся точка зрения и беспристрастная статистика // Язык. Словесность. Культура. – 2012. – № 1. – С. 101-113.
29. Цицерон Марк Тулий. Цитаты и афоризмы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zitata.eu/ciceron.shtml>
30. Шамбинаго С.К. Повести о начале Москвы // Труды Отдела древнерусской литературы. – М.; Л.: Наука, 1936. – Т. 3. – С. 244-251.

The January Issue of the Journal "Trudoliubivaia Pchela": Catharsis of True Enlightenment

Slozhenikina Yuliya Vladimirovna

Full Doctor of Philology, Professor, Associate Professor,
Samara State Technical University,
244, Molodogvardeiskaya str., Samara, 443100, Russian Federation;
e-mail: goldword@mail.ru

Rastyagaev Andrei Viktorovich

Full Doctor of Philology, Associate Professor,
Head of the Department of Philology and Mass Communications,
Samara Branch of the Moscow City Teachers Training University,
76, Stara Zagora str., Samara, 4431084, Russian Federation;
e-mail: avr67@yandex.ru

Abstract

The paper deals with the assumption that the five sections of the January issue of the journal "Trudoliubivaya Pchela" form a unity of meaning. It is the precedent of a special kind of journalistic metatext. The communicative strategy of the journal

is aimed at the broadcasting of religious and philosophical beliefs of Sumarokov. New metatext turns any event of Russian reality into symbolic interpretations. It does not break the connection with the cognitive mechanisms triggering the reader's perception on different levels. Each paper continues the previous one, and together they form a new metatextual unity of the semantic field. Authors and readers build a new temple voluntarily. Communicative model assumes an active reader. Reading involves complex activities. Authors want the readers to be prudent and virtuous. Dialogue between two equal interlocutors emphasizes the common linguistic world of the author and the reader.

Keywords

Journal "Trudoliubivaia Pchela", Sumarokov, Kozitskii, Motonis, Freemasonry, metatext, communication strategy, author and reader, mythology, rhetoric, catharsis, Russian language.

References

1. Anthony the Great [Antonii Velikii], in *Patericon compiled by Saint Ignatius Bryanchaninov* [Otechnik, sostavlennyyi svyatitelem Ignatiem Bryanchaninovym], available at: <http://www.ccel.org/contrib/ru/Otechnik/Ot4.html>
2. Belinskii, V.G. (1948), Speech on Criticism [Rech' o kritike], in *Collected works in 3 vols. Vol. 2* [Sobr. soch: V 3-kh tomakh. T. 2], Leningrad; Moscow: OGIZ; GIKh, pp. 344-413.
3. Berezina, V. (1960), A.P. Sumarokov's Journal "Hard-working bey (1759)" [Zhurnal A.P. Sumarokova "Trudolyubivaya pchela (1759)"], in *Questions of journalism. Collection of articles. Issue 2* [Voprosy zhurnalistiki. Sb. statei. Vyp. 2], Leningrad: LGU, pp. 3-37.
4. Cicero Marcus Tullius. Quotations and Aphorisms [Tsitseron Mark Tullii. Tsitaty i aforizm], available at: <http://www.zitata.eu/ciceron.shtml>
5. Demin, A.S. (1998), *About artistic merit of Old Russian literature* [O khudozhestvennosti drevnerusskoi literatury], Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 848 p.
6. *Dictionary of the Russian language of XVIII century. Issue 1* [Slovar' russkogo yazyka XVIII veka. Vyp. 1], Leningrad: Nauka, 1984, 224 p.
7. *Dictionary of the Russian language of XVIII century. Issue 19* [Slovar' russkogo yazyka XVIII veka. Vyp. 19], Saint-Petersburg: Nauka, 2011, 240 p.

8. Freidenberg, O.M. (1990), Utopia [Utopiya], *Voprosy filosofii*, No. 5, pp. 148-167.
9. Freidenberg, O.M. (1997), *The Poetics of Plot and Genre [Poetika syuzheta i zhanra]*, Moscow: Labirint, 448 p.
10. Gaius Plinius Secundus [Gai Plinii Sekund (Starshii)], in *Ancient writers. Dictionary [Antichnye pisateli. Slovar']*, available at: <http://ancientrome.ru/dictio/article.htm?a=327843473>
11. Gukovskii, G.A., Zhivov, V.M. (2001), *Early works on the history of Russian poetry of XVIII century [Rannie raboty po istorii russkoi poezii XVIII veka]*, Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 352 p.
12. *Hard-working Bee [Trudolyubivaya pchela]*, Saint-Petersburg: Imp. Akad. nauk, 1759, 767 p.
13. Hueytsyun, Yu. (2012), A.P. Sumarokov – the Author of "Hard-working Bee": an Established Point of View and Dispassionate Statistics [A.P. Sumarokov – avtor "Trudolyubivoi pchely": ustoyavshayasya tochka zreniya i besstrastnaya statistika], *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura (Language. Philology. Culture)*, No. 1, pp. 101-113.
14. Kamchatnov, A.M. (2005), *History of the Russian Literary Language: XI – first half of XIX century [Istoriya russkogo literaturnogo yazyka: XI – pervaya polovina XIX veka]*, Moscow: Akademiya, 688 p.
15. Klein, I. (2005), *Ways of Cultural Imports. Works on Russian Literature of the XVIII century [Puti kul'turnogo importa. Trudy po russkoi literature XVIII veka]*, Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 576 p.
16. Krashennnikov, S.P. (1949), *Description of the Land of Kamchatka [Opisanie zemli Kamchatki]*, Moscow; Leningrad: Glavsevmorputi, 841 p.
17. Loseva, K.A. (2012), Interdependence of Form and Content in a Poetic Text (based on the M.A. Voloshin's poem "Rebel") [Vzaimoobuslovlennost' formy i sodержaniya v poeticheskom tekste (na materiale poemy M.A. Voloshina "Buntovshchik")], *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura (Language. Philology. Culture)*, No. 4, pp. 51-67.
18. Lyatskii, E. (1996), Sumarokov (Aleksandr Petrovich), [Sumarokov (Aleksandr Petrovich)], in Brockhaus, F.A., Efron, I.A. *Encyclopedic Dictionary [Entsiklopedicheskii slovar']*, Moscow: Russkoe slovo, pp. 5913-5918.
19. Obidina, Yu.S. (2008), Pythagoras and His School: the relation of religious mysticism and mathematical rationalism [Pifagor i ego shkola: sootnoshenie religioznoi

- mistiki i matematicheskogo ratsionalizma], *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*, Vol. 10, No. 5-6, pp. 353-359.
20. Pythagoras. The Golden Verses [Pifagor. Zolotyie stikhi], available at: <http://ru-masons.chat.ru/goldvers.html>
21. Semenova, S.V. (2004), Mythological Self-identity of Indigenous Peoples of Kamchatka [Mifologicheskoe samosoznanie korennykh narodov Kamchatki], *Vestnik KRAUNTS. Gumanitarnye nauki*, No. 2, pp. 61-76.
22. Shambinago, S.K. (1936), Tales of Early Moscow [Povesti o nachale Moskvy], in *Proceedings of the Department of Old Literature. Vol. 3 [Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. T. 3]*, Moscow; Leningrad: Nauka, pp. 244-251.
23. Sreznevskii, I.I. (1902), *Materials for dictionary of Old Russian language based on written artifacts. Vol. 2 [Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam. T. 2]*, Saint-Petersburg: Imp. Ak. nauk, 1802 clm.
24. Sreznevskii, I.I. (1903-1912), *Materials for dictionary of Old Russian language based on written artifacts. Vol. 3 [Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam T. 3]*, Saint-Petersburg: Imp. Ak. nauk, 1684 clm.
25. Tamarchenko, N.D., Nikolyukin, A.N. (2003), Catharsis [Katarsis], in *Literary encyclopedia of terms and concepts [Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatii]*, Moscow: Intelvak, clm. 341-342.
26. The thoughts of Pastor. About Temptation [Mysli Pastyrya. Ob iskushenii], available at: <http://myslipastyria.com/o-iskusheniyax/>
27. Tikhomirov, M.N. (1950), *Tales on early Moscow [Skazaniya o nachale Moskvy]*, *Istoricheskie zapiski*, Vol. 32, pp. 233-241.
28. Tseitlin, R.M., Vecherki, R., Blagovaya, E. (1999), *Old Church Slavonic Dictionary (from manuscripts of X-XI centuries). 2nd ed. [Staroslavjanskii slovar' (po rukopisyam X-XI vekov). 2-e izd.]*, Moscow: Russkii yazyk, 842 p.
29. Vinogradov, V.V. (1961), *The Problem of Authorship and Theory of Styles [Problema avtorstva i teoriya stilei]*, Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 614 p.
30. Vinogradov, V.V. (1978), The Main Stages of History of the Russian Language [Osnovnye etapy istorii russkogo yazyka], in *History of the Russian literary language. Selected Works [Istoriya russkogo literaturnogo yazyka. Izbrannye Trudy]*, Moscow: Nauka, pp. 10-65.